
СОБЫТИЯ EVENTS

К 85-ЛЕТИЮ НИКИТЫ ГЛЕБОВИЧА АЛЕКСЕЕВА

В.К. ЗАРЕЦКИЙ*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
zar-victor@yandex.ru

Статья не претендует на полный обзор творчества Никиты Глебовича Алексеева и не является аналитикой его творчества. Это авторский взгляд на деятельность Н.Г. Алексеева с позиции одного из учеников, сотрудничавшего с ним на протяжении 28 лет, работавшего совместно с ним по разным актуальным проблемам методологии, психологии, эргономики, практики решения проблем, проектирования и др. Задача статьи — передать авторское видение вклада Н.Г. Алексеева в культуру, науку и практику, роли, которую он сыграл в жизни многих своих учеников, влияния, которое будет продолжать оказывать его работы на развитие мышления как культурного феномена.

Ключевые слова: Н.Г. Алексеев, психология, методология, эргономика, мышление, рефлексия, консультирование, психологическая практика, шахматы, развитие.

Для цитаты:

Зарецкий В.К. К 85-летию Никиты Глебовича Алексеева // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 188—203. doi: 10.17759/cpp.2017250413

* *Зарецкий Виктор Кириллович*, кандидат психологических наук, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии, факультет консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, e-mail: zarvictor@yandex.ru

В 2017 году Никите Глебовичу Алексееву исполнилось бы 85 лет. Со дня его кончины прошло уже 14 лет. Но в памяти его соратников и учеников диалог с ним продолжается. Тогда, утром 23 марта 2003 года, известие о его кончине прозвучало как гром среди ясного неба. Н.Г. был полон жизненных планов, дал старт сразу нескольким крупным проектам, реализацию которых без него трудно было представить. Он был из тех людей, которым обязательно нужно жить. Без них мир становится беднее. Замены им нет. Н.Г. был именно таким человеком — твердо стоящим на своих позициях, нравственным авторитетом. Он жестко придерживался небольшого числа очень конкретных принципов, ограничивающих и направляющих его деятельность, был устремлен в будущее, хранил память о прошлом и главную ценность видел в другом человеке, в его потенциале, способности начать свое или продолжить уже начатое кем-то серьезное доброе дело.

Н.Г. считал себя в первую очередь методологом. Он говорил, что методолог находится на границе познанного и непознанного, в точке прорыва, прокладывает путь к неизвестному. Для меня это скорее синоним творческой личности, которой вздумалось называть себя методологом.

По Н.Г., быть методологом — значит думать о *средствах* мышления. Пока все пытались мыслить и решать проблемы, методологи задумались, во-первых, о том, *как человек это делает*, во-вторых, *как это надо делать*, т. е. существует ли некая норма (нормы) мышления. Эти вопросы Н.Г., будучи еще студентом философского факультета МГУ, начал обсуждать со своими более старшими товарищами — Г.П. Щедровицким, А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардишвили, Б.А. Грушиным, основавшими Московский логический кружок, куда он был приглашен вместе со своим другом А.А. Костеловским. Эта группа и представляла собой основной состав будущего, ставшего знаменитым, Московского методологического кружка (ММК).

Возможно, именно изначальная идентификация с ММК побуждала Н.Г. считать и называть себя методологом. Но, конечно, он был не только методологом. Он был психологом, причем не только ученым, но и психологом-практиком, философом, логиком, культурологом, человеком, умеющим вжиться в любую проблему, входящую в круг его интересов, достаточно широкий, потому что на первом месте для него всегда, на протяжении пятидесяти с лишним лет творческой деятельности, находилась проблема мышления. Его интересовало, как люди мыслят, как нужно мыслить, как можно помочь мыслить, как можно перестроить мышление, каким оно бывает, как оно связано с деятельностью, как его изучают, как можно его изучать и т. д. Линия интереса к мышлению — стержневая на протяжении всей жизни Н.Г.

Однажды в домашнем разговоре в «момент истины» Н.Г. сказал, что для него «мышление — это ценность». Мы, участники того разговора

были удивлены. Нам казалось, что ценности лежат в ином пространстве, а мышление — это лишь «инструмент» для их воплощения в жизнь. Однако Н.Г. продолжал на этом настаивать. И спустя несколько лет после этого разговора, неожиданно для многих, в том числе, для своих учеников, в возрасте почти 70 лет, защитил докторскую диссертацию, которую назвал «Проектирование условий развития рефлексивного мышления» [4].

Многие отнесли к этому акту как к «формально социальному»: Н.Г. уже был членом-корреспондентом РАО, его рейтинг «по гамбургскому счету» был невероятно высок, по работам он был уже давно доктором наук, так что было не столь важно, за что именно ему присудят ученую степень.

Некоторые аналитики творчества Н.Г. Алексеева считают эту диссертацию его «лебединой песней». Да, это был один из последних его текстов, написанный за год до смерти. Но этот текст, если вчитаться в него внимательно, одновременно представляет собой рефлексию того, что было сделано самим Н.Г. и его учениками в направлении изменения мышления как культурного явления по вектору «нерефлексивное—рефлексивное». Н.Г. скромно назвал свою диссертацию «проектирование условий...». Реально же в ней представлен ряд схем, описывающих то, как вооруженное ими мышление может стать рефлексивным, т. е. человек, опирающийся в своем мышлении на эти (и подобные им схемы), может овладеть как мышлением, так и рефлексией. Т. е. *рефлексивное мышление — это мышление, вооруженное рефлексией, как средством управления мышлением.*

Наверное, эту идею можно сопоставить с открытием (изобретением, созданием) логики, как свода норм, в соответствии с которыми развивается реальный процесс мышления. Логика задает нормы мышления. Рефлексия — возможности их преодоления.

Если издали взглянуть на более чем пятидесятилетний путь Н.Г. в науке, методологии, практике, то можно увидеть, с чего Н.Г. начинал и чем завершил свой творческий путь. Первые статьи, написанные совместно с Г.П. Щедровицким, носят программный характер и посвящены путям исследования мышления как деятельности [22; 23]. Эта линия не прерывается до самого конца. Меняются контекст, культурные и исторические условия, соавторы, ученики, но линия исследований мышления как деятельности для Н.Г. остается магистральной. В конце 1950—1960-х — это идея пути исследования мышления как деятельности (в соавторстве с Г.П. Щедровицким); в конце 1960-х — начале 1970-х — это идея системно-структурного представления мышления как деятельности (в соавторстве с Э.Г. Юдиным) [9], в 1970—1980-х — это идеи эмпирического исследования мышления при решении творческих задач (в соавторстве с И.Н. Семеновым и В.К. Зарецким), в которых рефлексия является структурным

компонентом мышления, при этом — компонентом, определяющим тип организации мышления [8; 11]. Именно Н.Г. принадлежит формулировка моделирующего представления о динамике мышления, ставшая в дальнейшем классической для данного направления: мышление можно представить как определенным образом сбалансированное движение по четырем уровням (имеется в виду личностному, рефлексивному, предметному и операциональному¹). В 1980-е годы Н.Г. глубоко погрузился в практику организационно-деятельностных игр (ОДИ), в которых разворачивались самые разнообразные процессы мышления, связанные с различными, порой весьма острыми для нашей страны проблемами.

В годы перестройки (1980—1990-е гг.) популярность ОДИ неуклонно возрастала. Проведение ОДИ для решения проблем перестройки управления, отраслей народного хозяйства, деятельности предприятий, социальных и культурных институтов стало едва ли не нормой решения проблем переходного периода. Появилось множество команд, члены которых именовали себя «методологами», но при этом использовали проблемную ситуацию в стране вовсе не для решения социокультурных проблем переустройства общества, а для своих личных. Они «поймали тренд» — сделать что-либо трудно, а вот говорить, «как надо делать» (но при этом не делать самим), выгодно и прибыльно. И хотя А. Галич предупреждал «бойтесь того, кто скажет — я знаю, как надо», количество таких псевдометодологов росло как на дрожжах, что имело безусловно негативные последствия для развития разных сфер жизнедеятельности нашего общества.

В отличие от многих подобных «методологов», использующих ОДИ для достижения личных социальных целей, Н.Г. продолжал удерживать *ценность мышления*. Эти годы (1980—1990-е) обогатили практику ОДИ, шире — практику организации мышления, схемами-инструментами, умелое использование которых давало возможность регулировать рефлексивные процессы в коллективном мышлении, перестраивая и переорганизуя его. Это схема рефлексивного акта, схема стратегии, а также самая простая по форме, но возможно самая глубокая схема по содержанию — схема проектной деятельности «замысел—реализация—рефлексия» [4].

Как-то в личном разговоре в ответ на наивный вопрос, почему эти схемы называются организационно-деятельностными, Н.Г. высказался очень просто: «Потому что с их помощью можно организовывать деятельность». Зная Н.Г., можно было понять подоплеку ответа. Н.Г. делил схемы (концептуальные инструменты) на два типа: «прожитые» и «умозритель-

¹ Идея концептуальной схемы описания мышления как взаимосвязи именно этих четырех уровней принадлежит И.Н. Семенову [16], исследование динамики мышления как движения по данным уровням осуществлено В.К. Зарецким [10].

ные». Они могут незначительно различаться по форме, но они существенно различны по происхождению, сути, эвристическому потенциалу. Прожитое от умозрительного по Н.Г. отличается примерно так же, как живое от мертвого. Прожитые схемы имеют рефлексивное происхождение. То есть сначала с их помощью удавалось нечто сделать, а потом уже они были осмыслены и оформлены как нечто концептуальное. Их концептуальная форма — только вершина айсберга, а основное их богатство скрыто под формой. У прожитой схемы есть важное свойство: она укоренена в реальности, это дает возможность переносить ее из одной реальности в другую, строить на ее основе новые предметы исследования и практических разработок. Эта идея была развернута Н.Г. в его статье о концептуальных схемах исследования деятельности (КСД), где в числе правил их использования были сформулированы принципы «границ применимости» и «способов технического разворачивания КСД» [3].

Большинство схем организации деятельности, содержащих рефлексию в качестве структурного элемента, появились именно в период практики ОДИ. В сложных проблемных ситуациях, которыми изобиловали ОДИ, рефлексия могла выступить тем единственным спасительным средством, при помощи которого эти проблемные ситуации могли быть преодолены. Потом уже, в ходе игры и после ОДИ, этот опыт подвергался осмыслению и с него «рефлексивно снималась» схема, которая считалась сработавшей в этой ситуации. Так появились перечисленные выше схемы, которые по настоящее время продолжают использоваться учениками и последователями Н.Г. К сожалению, приходится констатировать, что ничего рядоположенного этим схемам по глубине и простоте, а главное, по признаку «прожитости» за эти годы так и не появилось.

В отличие от прожитых схем умозрительные схемы появляются как результат «игры ума», путем манипуляции понятиями, комбинация которых может дать новый взгляд на деятельность и изучаемую реальность. Однако будучи мертворожденными, они не выдерживают тестирования реальностью, поэтому вынуждены быстро меняться (имитируя развитие).

Прожитые схемы, имеющие рефлексивное происхождение, служат для обогащения видения реальности и конструктивной организации деятельности. Умозрительные схемы можно уподобить ведру с прорезями, которое, будучи надето на голову, позволяет видеть только то, что дают возможность увидеть прорези. Остальная реальность остается скрытой. Но она существует и дает о себе знать, если с помощью этих схем пытаться не «объяснять» реальность, а действовать в ней, делать нечто практическое. Практика неизбежно обнаруживает несостоятельность умозрительных схем. Либо от них приходится отказываться, либо пресекать обратную связь от реальности, как это делалось в СССР, когда искусственные идеологические схемы не срабатывали.

С этим связана другая магистральная линия исследований и разработок Н.Г. Алексеева — переход от объяснения того, как устроена реальность (деятельность, мышление), к практико-ориентированному, конструктивному взгляду на нее, к разработке таких средств, которые позволяют строить практическое действие.

В 1975 г. мы познакомились с Н.Г. и сразу, как мне казалось, нашли общий язык. Я сказал, что меня интересует не то, как устроено мышление, а то, как можно помогать человеку решать творческую задачу (жизненную проблему). Сам Н.Г. в это время организовывал вместе с Э.Г. Юдиным методологическую группу во ВНИИТЭ² (в нее входили также И.Н. Семенов и А.Б. Шеин), а в конце того же года Э.Г. Юдин пригласил в нее и меня³. Одна из задач создания методологической группы в отделе эргономики ВНИИТЭ состояла в том, чтобы осмыслить эргономическую практику и ответить на вопрос: возможна ли научная дисциплина, которая развивается в ответ на запросы практики, рассекает своим движением области разных научных дисциплин, объединяя их в новое, не сводимое к частям целое. Ответом на этот вопрос стал сборник «Труды ВНИИТЭ. Серия Эргономика. Вып. 17» (1979), который В.П. Зинченко назвал «книгой имени Алексеева», фамилия которого значилась в четырех ключевых статьях сборника: «Становление эргономики как научной дисциплины», «Методологические средства эргономики», «Методологическая роль системного подхода в эргономике» и «Методологические принципы анализа концептуальных схем деятельности в психологии» [3; 14; 17; 20]. Это была продукция трех лет работы группы, которую после смерти Э.Г. Юдина возглавлял Н.Г. Алексеев.

Хотя к моменту выхода сборника из печати Н.Г. Алексеев уже не работал во ВНИИТЭ⁴, методология практико-ориентированной науки не только способствовала продвижению идей эргономического проектиро-

² Инициатива создания группы методологии эргономики принадлежала заведующему отделом эргономики В.П. Зинченко, зам. директора ВНИИТЭ по научной работе В.М. Мунипову и директору ВНИИТЭ Ю.Б. Соловьеву, организовавшему первый в стране институт дизайна.

³ В середине декабря 1975 г. Н.Г. Алексеев и И.Н. Семенов, тогда уже работавшие во ВНИИТЭ, познакомили меня с Э.Г. Юдиным, и он пообещал взять меня в методологическую группу. Но 5 января 1976 г. Э.Г. Юдин скоропостижно скончался, и мой переход во ВНИИТЭ был отложен на три года. Я пришел в группу в октябре 1978 г., когда из ВНИИТЭ уволился Никита Глебович, на его место, продолжив работу по концептуальным схемам деятельности.

⁴ В 1978 г. Н.Г. Алексеев резко сменил сферу деятельности и перешел в лабораторию шахмат. Он говорил, что для методолога важно работать на разных содержаниях, тогда на стыке разных содержательных контекстов и при их сопоставлении резче проступают методологические средства.

вания (т. е. проектирования деятельности человека) в практику, но и в дальнейшем успешно «сработала» и в социальной сфере, практике проектирования инновационных образовательных систем, когда в период 1990-х Н.Г. перешел на работу в Институт педагогических инноваций РАО по приглашению директора ИПИ РАО В.И. Слободчикова.

Мы остановились на трех магистральных линиях, по которым двигалась мысль и разворачивалась деятельность Н.Г. Алексеева: мышление, рефлексия, практико-ориентированная наука, или научно обоснованная практика. Но наряду с ними можно выделить еще две линии, которые также можно отнести к «магистральным»: методология и... люди.

Методологическое измерение представлено в жизни Н.Г. в виде внешне фрагментарных публикаций. Это своего рода рефлексивные вспышки на фоне научной, организационной и практической деятельности. В основном методологическая проблематика раскрывалась им через содержательную работу в тех сферах науки и практики, в которые он был вовлечен. В 1960-е гг. это была проблематика мышления и творчества, в 1970-е на первый план вышли методологические проблемы эргономики как неклассической научной дисциплины (прообраза будущей практической психологии) и рефлексии, как нового предмета психологического исследования. В 1980—1990-х гг. методологическая проблематика — в связи с масштабными процессами перестройки — сместилась в сторону организации коллективного решения проблем в практике ОДИ, организации проектной деятельности, разработки и поддержки инновационных педагогических практик. Обобщение опыта многолетней деятельности на стыке методологии, науки и практики нашло отражение в ряде статей, опубликованных в альманахе «Кентавр» [1], «Вопросах методологии» [6; 2] и в докторской диссертации, защищенной в форме доклада [4].

Главное же измерение его жизни — это «люди», точнее «человек». Н.Г. никогда не жалел времени на общение с людьми, которые были ему интересны. А интересны ему были те, кто был искренне заинтересован в деле, озабочен собственной идеей, у кого было нечто свое за душой. Для них Н.Г. становился *консультантом*, помогающим им продвигаться в собственном содержании.

Н.Г. не только тратил свое время на беседы с людьми и обсуждение их проблем и идей. Он был сам невероятно щедр на идеи. Когда я только начал свою научную деятельность, сделав несколько текстов по динамике мышления при решении творческих задач, то решил, что эта тема исчерпана и нужно написать про что-нибудь другое в виде тезисов на конференцию. Текст не очень получался, и тогда один из людей, близко знавших Н.Г., сказал: «Ты напиши что-нибудь и поезжай к Никите, он умный, что-нибудь придумает». Я так и сделал. Написал что-нибудь, по-

ехал к Н.Г. И услышал: «Ты про что написал? Это не твое. Ты — это четырехуровневая схема! Про нее и пиши. Больше ты ни про что написать не можешь... Пока не можешь». Я уехал и стал писать про четырехуровневую схему. Тот наш разговор был 40 лет назад. Но тема четырехуровневой схемы до сих пор не исчерпана. Каждый год открываются в ней новые развороты и возможности. Конца не видно. И хотя многое, очень многое, уже сделано, возникает все больше и больше вопросов.

Н.Г. бросал идеи походя. Он настолько увлекался содержанием, что иногда в состоянии глубокого погружения в проблему (что происходило в контакте с человеком — носителем содержания), он высказывал истинные гениальные идеи (хотя по формулировкам они были иногда очень просты). Так случилось, когда А.Б. Холмогорова докладывала результаты сравнительного исследования решения творческих задач в норме и патологии. Так было, когда возник вопрос, что же представляет собой знание в научной дисциплине, которая строится вокруг решения практических задач (эргономика). «Оно имеет двуслойный характер»: один слой — объект (знание о том, что представляет собой объект), другой слой — методы (знание о том, как этот объект исследовать и проектировать). Когда предметы исследования строятся в связи с практическими задачами, то траектория движения по ним представляет систему знаний, которая и образует корпус научной дисциплины.

Спустя 30 лет после того, как эта идея была высказана, А.Б. Холмогорова, опираясь на нее, дала характеристику предметной области клинической психологии в методологической главе первого тома учебника по клинической психологии, изданного в 2008 г. [13].

Так же вскозь была высказана идея о том, что мышление можно представить в виде сбалансированного движения по уровням.

Когда в 1978 г. Н.Г. перешел работать в сферу шахмат, то и там он вскоре стал постоянным консультантом для шахматистов, студентов, преподавателей, шахматных тренеров. И хотя публикаций по шахматам немного, всего две, одна из них содержит идею о том, как можно исследовать и диагностировать мышление шахматиста при помощи четырехуровневой схемы (идея легла в основу кандидатской диссертации бывшего в ту пору заведующим кафедрой шахмат в ГЦОЛИФКе Б.А. Злотника), а другая обосновывает программную идею о том, как можно выстраивать занятия шахматами для развития способности действовать в уме.

Эта идея была выдвинута Н.Г. в 1979 г., опубликована в 1990 [7], а в 2003 г. мы вместе с ним и международным гроссмейстером ФИДЕ по шахматам Ю.С. Разуваевым решили перейти от слов к делу и превратить идею в проект. И уже без Никиты Глебовича проект начал реализовываться в 2004 г. в г. Сатке Челябинской области [15], а к 2014 г. дал столь поразительные результаты, что эти идеи получили распространение далеко за

пределами Москвы и даже Российской Федерации. Так, в 2016 г. были изданы методические материалы по проекту «Шахматы для общего развития» [12; 18; 19], переведенные в 2017 г. на английский язык.

Надеюсь, что в ближайшее время выйдет из печати сборник трудов Н.Г. Алексеева, а когда-нибудь появится сборник трудов его учеников и соратников, посвященный судьбе тех идей, которые были в публикациях описаны им самим крайне скудно или вообще не были опубликованы под его именем. Такой сборник дал бы возможность составить представление о том вкладе, который Н.Г. внес в культуру не своими текстами, а той работой с людьми, в качестве консультанта, старшего товарища, сотрудника, которой он и посвящал большую часть своего времени, своей жизни.

Его ученики, собираясь вместе, не всегда могут найти общий язык. Это тоже характеристика Н.Г. Для него ценностью было собственное движение каждого. Он не считал себя вправе быть носителем истины в последней инстанции. Он давал возможность каждому идти своим путем и помогал идти, даже если этот путь расходился в чем-то с его собственными представлениями. Главное, чтобы в этих путях не было нравственных расхождений.

Сфера «нравственного» сложна для научного или методологического описания. Г.П. Щедровицкий провел жесткую границу между деятельностью и нравственным, сказав, что нравственный принцип срабатывает импульсивно. Нравственное способно обнаруживать себя в ситуации мгновенно, не нуждаясь в анализе и рефлексии [21].

Н.Г. Алексеев очень осторожно подходил к ценностному измерению жизни. Впервые «ценность» появляется в схеме стратегии, в которой ценностное и деятельностное соединяются, когда позиция задается как «способ реализации ценности». А вслед за схемой стратегии появляется другая (на наш взгляд, одна из важнейших) схема, имплицитно содержащая ценность как исходный пункт разворачивания проектной деятельности: «замысел—реализация—рефлексия».

Что делает эту схему невероятно мощной, мощной потенциально? Во-первых, она является реальной альтернативой схеме описания деятельности, доминировавшей на протяжении двух столетий, нормировавшей сознание нескольких поколений людей всего мира, — схеме «цель—средство—результат». Во-вторых, эта схема стала мостом в ту действительность, которая была оторвана от практики и научных изысканий — в действительность нравственного существования человека. Благодаря связке «ценность — позиция (как способ реализации ценности) — замысел (как то, через что позиция начинает переходить в действие), ценностное стало «деятельностным». Эти схемы стали мостом, по которому стало возможным двигаться от ценностного к деятель-

ностному (через замысел) и обратно от деятельностного к ценностному (через рефлексию). Движение последователей Н.Г. Алексеева по этому «мосту» привело к схеме самоопределения, в которой культурно-ценностное пространство стало одним из пространств действия человека. «Замысел» — это продвижение ценности в реальность. Замысел может не воплотиться полностью, но ценность может быть удержана. Результат, таким образом, отходит на второй план и в схеме вообще не представлен. «Рефлексия» дает возможность осмыслить, что в действительности произошло в результате реализации замысла. Что произошло с ценностью, как началом деятельности, найден ли адекватный ей способ реализации, т. е. позиция. Дискуссия о том, оправдывает ли цель средства, переносится в другую плоскость, а именно: как самоопределяется человек, задающийся этим вопросом. Если для него деятельность является продолжением его внутренней духовной жизни, т. е. в ней он реализует свои ценности, то ответ очевиден: средства должны быть нравственными, иначе цели потеряют первоначальную связь с ценностями. Если же человек самоопределяется лишь социально-ситуативным образом, т. е. его деятельность лишена нравственного начала, то тогда для достижения цели возможны любые средства, поскольку само достижение цели в этом случае и выступает заместителем ценности.

Схема «замысел—реализация—рефлексия» пока что является «слабым конкурентом» схеме «цель—средство—результат», еще недавно бывшей монополистом в человеческом сознании. Но само ее появление как схемы, нормирующей сознание и деятельность человека, создало ситуацию самоопределения для каждого, кто с ней сталкивается. Удивительно то, что методологическая схема, вместо того, чтобы занормировать и в каком-то смысле сковать сознание, стала инструментом освобождения человека от стереотипа, разрывающего нравственное и деятельностное начало. Теперь каждый при желании может быть вооружен средством, которое можно применить как к себе самому, так и к другому человеку, чтобы понять: то, что мной (им) делается, — это попытка воплотить в жизнь нравственные ценности, или же это стремление во что бы то ни стало достичь конкретной цели, с готовностью идти на любые жертвы и разрушения ради ее достижения... Есть сферы, в которых вторая позиция полностью лишает смысла осуществляемую деятельность, например, социальная сфера, культура, образование.

В то же время очевидно, что действовать и не ставить цели нельзя. Тогда *как* ставить цели, если в качестве критерия для оценки их достижения использовать другой инструмент — соответствие результата ценностям? Все встает на свои места, если применить в качестве средства анализа деятельности схему «замысел—реализация—рефлексия». Развитие деятельности по этой схеме протекает как процесс постоянного

приведения в соответствие целей и ценностей, целей и средств, средств и ценностей — через рефлексию, для которой неизменно, не подлежащими изменению являются ценности, ограничивающие саму рефлексию. Тогда и деятельность постепенно становится инструментом, при помощи которого обеспечивается существование ценности, и одновременно пространством, в котором эта ценность живет.

Таким образом, становится возможной нравственная практика — практика проведения в жизнь определенных ценностей, на основе которых осуществляется созидательное преобразование мира и человека. В отличие от безнравственной практики, которая обслуживает сиюминутные интересы отдельных людей, как правило, приводя к разрушению мира и человека.

Н.Г. странным образом сочетал в себе два, казалось бы, трудно совместимых качества: он был удивительно мобилен в плане переключения с одной деятельности на другую. Это хорошо видно по его формальному профессиональному пути: студент философского факультета МГУ, учитель математики, заведующий лабораторией квалитметрии, научный сотрудник сектора психологии творчества ИИЕТ, сотрудник лаборатории методологии эргономики ВНИИТЭ, сотрудник лаборатории шахмат во ВНИИФКе, а затем кафедры шахмат в ГЦОЛИФКе, заведующий отделом ИПИ РАО — и это далеко не полный перечень работ и сфер его деятельности. При этом, работая во всех этих сферах, он одновременно достигал в каждой из них новых содержательных для данной сферы результатов, оставаясь методологом, исследователем мышления и рефлексии. Возможно, он следовал своему собственному принципу, который выработал еще в начале 1960-х гг., когда, будучи учителем математики, преподавал ее, опираясь на рефлексию. Принцип состоял в том, что методологическое содержание (способы мышления и деятельности) проступает, когда одно и то же средство реализуется на разном содержании. На этом было основано в его работе с учащимися формирование осознанных способов решения математических задач [5]. А сам Н.Г., двигаясь содержательно в разных сферах профессиональной деятельности, выходил на общие для разных видов деятельности средства ее описания, организации, рефлексивной перестройки.

В конце 1970-х, читая спецкурс по рефлексии на факультете психологии МГУ, Н.Г. говорил: сейчас слово рефлексия знают единицы. А через 20 лет без этого слова нельзя будет обойтись, оно войдет в бытовой язык и услышать его будет можно по телевизору и в общественном транспорте.

Слово «рефлексия» стало общеупотребительным несколько раньше, чем предсказывал Н.Г., в начале—середине 1990-х, когда проблематизированное российское общество оказалось перед тем фактом, что предыдущие 70 лет завели его в тупик. И нужно было искать новые пути. Слово

«рефлексия» оказалось востребованным, так как оно выражало суть той культурной работы, которую предстояло проделать, чтобы осмыслить предшествующий путь и начать двигаться в новом направлении, чтобы не допускать старых ошибок, не наступать на те же грабли. В период глобального реформирования общественного строя слово «рефлексия» начало употребляться повсеместно. Интересно, что впервые в русском языке оно появляется также в период реформ, которые проводил еще Петр I. Затем оно вышло из употребления и едва не возродилось в XIX веке, но не закрепилось в языке и снова начало входить сначала в научный, а затем в бытовой язык в конце XX века.

Мышление стало рефлексивным. Внешне оно стало более конструктивным и даже, казалось бы, творческим. То, что когда-то рождалось в творческих муках, сейчас стало почти интеллектуальным навыком: взглянуть со стороны (с другой позиции) на свою деятельность, представить ее структурно, изменить те или иные элементы — в каком-то смысле дело техники. Плоды такого «творчества» можно видеть повсеместно — в любых сферах жизни, в СМИ, в интернете. Однако у рефлексии есть и обратная сторона. Способность обрести власть над основаниями собственного движения, разрушать их порождает особую проблему — что и как появится на месте разрушенного? Что направляет эту разрушающую и созидающую деятельность? Если эта деятельность направляется ценностями, которые воплощаются в замыслах, способных развиваться и изменяться, сталкиваясь с замыслами других людей, идет процесс культурного развития. Если же процессы разрушения и созидания не ограничивает ничто, то возникает опасность вырождения деятельности, разрушения культурных норм, на месте которых возникнут уродливые квазикультурные образования.

В последние годы Н.Г. Алексеев много времени уделял обсуждению понятия «трансценденция». В нем предполагалось найти ключ к тому, как происходит ценностное самоопределение человека, как из объекта манипулирования и субъекта достижения им самим или кем-то поставленных целей он (человек) становится проводником в жизнь определенных ценностей, «вдруг» открывающихся ему.

Это направление движения мысли Н.Г. не получило завершения. Но эстафета передана, его ученики продолжают двигаться в поисках ответа на этот и другие вопросы, тесно связанные с проблемами науки, практики, повседневной жизни...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Н.Г.* Конструктивно-инновационный смысл методологии // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1996. № 2. С. 22—24.

2. *Алексеев Н.Г.* Культурное значение методологии // Вопросы методологии. 1997. № 3—4. С. 52—60.
3. *Алексеев Н.Г.* Методологические принципы анализа концептуальных схем деятельности в психологии // Проблемы методологии в эргономике. Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 17 / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. С. 104—125.
4. *Алексеев Н.Г.* Проектирование условий развития рефлексивного мышления: дисс... докт. психол. н. в виде научного доклада. М., 2002. 41 с.
5. *Алексеев Н.Г.* Рефлексия и формирование способа решения задач (переизданная диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук). 2-е изд. М.: Колледж предпринимательства и социально-трудового проектирования, 2002. 137 с.
6. *Алексеев Н.Г.* Философско-методологические проблемы педагогической теории // Вопросы методологии. 1997. № 1—2. С. 54—62.
7. *Алексеев Н.Г.* Шахматы и развитие мышления // Шахматы: наука, опыт, мастерство / Под ред. Б.А. Злотника. М.: Высшая школа, 1990. С. 41—53.
8. *Алексеев Н.Г., Семенов И.Н.* Уровни познавательной деятельности при решении творческих задач (к постановке проблемы) // Новые исследования в психологии. 1979. № 2. С. 3—12.
9. *Алексеев Н.Г., Юдин Э.Г.* О методах психологического изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1971. С. 151—203.
10. *Зарецкий В.К.* Динамика уровневой организации мышления при решении творческих задач: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984. 25 с.
11. *Зарецкий В.К., Семенов И.Н.* Логико-психологический анализ продуктивного мышления при дискурсивном решении задач // Новые исследования в психологии. 1979. № 1. С. 3—8.
12. К развитию через шахматы: рефлексивно-деятельностный подход: метод. пособие по ведению занятий в начальной школе / Под ред. В.К. Зарецкого, А.М. Гилязова. М.: Издательство «Райхль», 2016. 94 с.
13. Клиническая психология: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 4 т. Т. 1. Общая патопсихология / Под ред. А.Б. Холмогоровой. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 464 с.
14. *Мунитов В.М., Алексеев Н.Г., Шейн А.Б.* Становление эргономики как научной дисциплины // Проблемы методологии в эргономике. Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 17 / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. С. 28—67.
15. *Разуваев Ю.С., Зарецкий В.К.* Шахматы для общего развития // Мир детства. 2004. № 3. С. 31—36.
16. *Семенов И.Н.* Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10 / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148—188.
17. *Семенов И.Н., Алексеев Н.Г., Шейн А.Б.* Методологические средства эргономики // Проблемы методологии в эргономике. Труды ВНИИТЭ. Сер. Эр-

- гономика. Вып. 17 / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. С. 68—80.
18. Шахматы для общего развития. Методическое пособие по ведению занятий в начальной школе / Под ред. В.К. Зарецкого, А.М. Гилязова. М.: Издательство «Райхль», 2016. 196 с.
 19. Шахматы для общего развития. Рабочая тетрадь для занятий шахматами / Под ред. В.К. Зарецкого, А.М. Гилязова. М.: Издательство «Райхль», 2016. 102 с.
 20. *Шеин А.Б., Алексеев Н.Г.* Методологическая роль системного подхода в эргономике // Проблемы методологии в эргономике. Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 17 / Под ред. В.П. Зинченко. М.: ВНИИТЭ, 1979. С. 81—103.
 21. *Щедровицкий Г.П.* На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Школа культурной политики, 2004. 196 с.
 22. *Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г.* О возможных путях исследования мышления как деятельности // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3. С. 111—119.
 23. *Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 2. С. 98—104.

DEVOTED TO THE 85TH ANNIVERSARY OF NIKITA GLEBOVICH ALEKSEEV

V.K. ZARETSKII*,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
zar-victor@yandex.ru

We don't claim this paper to be a complete review or thorough analysis of the works of Nikita Glebovich Alekseev. It is a personal view of his activity from one of his students, who had been collaborating with him on various actual issues of methodology, psychology, ergonomics, problem-solving, design etc for 28 years. Our aim is to communicate our view of the impact N.G. Alekseev had on the culture, science, and practice, the role he played in the lives of many of his students, the impact his works still make on the development of thinking as a cultural phenomenon.

Keywords: N.G. Alekseev, psychology, methodology, ergonomics, thinking, reflexivity, counseling, practical psychology, chess, development.

For citation:

Zaretskii V.K. Devoted To The 85th Anniversary Of Nikita Glebovich Alekseev. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 4, pp. 188—203. doi: 10.17759/cpp.2017250413. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Zaretskii Viktor Kirillovich*, PhD (Psychology), Professor at the Chair of Individual and Group Psychotherapy, Counseling and Clinical Psychology Department, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: zar-victor@yandex.ru

REFERENCES

1. Alekseev N.G. Konstruktivno-innovatsionnyi smysl metodologii [Constructive and innovative meaning of methodology]. *Kentavr. Metodologicheskii i igrotekhnicheskii al'manakh* [Centaur. Methodological and game-technique almanac], 1996, no. 2, pp. 22–24.
2. Alekseev N.G. Kul'turnoe znachenie metodologii [Cultural meaning of methodology]. *Voprosy metodologii* [Issues of methodology], 1997, no. 3–4, pp. 52–60.
3. Alekseev N.G. Metodologicheskie printsipy analiza kontseptual'nykh skhem deyatel'nosti v psikhologii [Methodological principles of analyzing the conceptual schemas of activity in psychology]. In V.P. Zinchenko (ed.) *Problemy metodologii v ergonomike. Trudy VNIITE. Ser. Ergonomika. Vyp. 17* [Issues of methodology in ergonomics. Works of VNIITE. Series: Ergonomics. Issue 17]. Moscow: VNIITE, 1979, pp. 104–125.
4. Alekseev N.G. Proektirovanie uslovii razvitiya refleksivnogo myshleniya: diss... dokt. psikhol. n. v vide nauchnogo doklada. [Designing the conditions of developing reflexive thinking: Dr. Sci. (Psychology) diss. in the form of a scientific report]. Moscow, 2002. 41 p.
5. Alekseev N.G. Refleksiya i formirovanie sposoba resheniya zadach (pereizdannaya dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk). 2-e izd [Reflexivity and the formation of the method of solving problems (the reprinted version of the Dr. Sci. (Psychology) dissertation, 2nd edition)]. Moscow: Kolledzh predprinimatel'stva i sotsial'no-trudovogo proektirovaniya, 2002. 137 p.
6. Alekseev N.G. Filosofsko-metodologicheskie problemy pedagogicheskoi teorii [Philosophical and methodological issues of pedagogic theory]. *Voprosy metodologii* [Issues of methodology], 1997, no 1–2, pp. 54–62.
7. Alekseev N.G. Shakhmaty i razvitie myshleniya [Chess for cognitive development]. In B.A. Zlotnik (ed.) *Shakhmaty: nauka, opyt, masterstvo* [Chess: science, experience, mastery]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990, pp. 41–53.
8. Alekseev N.G., Semenov I.N. Urovni poznavatel'noi deyatel'nosti pri reshenii tvorcheskikh zadach (k postanovke problemy) [Levels of cognitive activity in creative problem solving (raising the issue)]. *Novye issledovaniya v psikhologii* [New studies in psychology], 1979, no. 2, pp. 3–12.
9. Alekseev N.G., Yudin E.G. O metodakh psikhologicheskogo izucheniya tvorchestva [Psychological methods in the studies of creativity]. In M.G. Yaroshevskii (ed.) *Problemy nauchnogo tvorchestva v sovremennoi psikhologii* [Issues of scientific creativity in current psychology]. Moscow: Nauka, 1971, pp. 151–203.
10. Zaretskii V.K. Dinamika urovnevoi organizatsii myshleniya pri reshenii tvorcheskikh zadach: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [The dynamics of organizing thinking in creative problem solving: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1984. 25 p.
11. Zaretskii V.K., Semenov I.N. Logiko-psikhologicheskii analiz produktivnogo myshleniya pri diskursivnom reshenii zadach [Logical and psychological analysis of the productive thinking in discursive problem solving]. *Novye issledovaniya v psikhologii* [New studies in psychology], 1979, no. 1, pp. 3–8.
12. K razvitiyu cherez shakhmaty: refleksivno-deyatelnostnyi podkhod. Metodicheskoe posobie po vedeniyu zanyatii v nachal'noi shkole [Development through chess: reflexive-activity approach. Instruction manual for primary school studies]. V.K. Zaretskii, A.M. Gilyazov (eds.). Moscow: «Raikhl» Publ., 2016. 94 p.

13. Klinicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii: v 4 t. T. 1. Obshchaya patopsikhologiya [Clinical psychology: textbook for university students: in 4 vol. Vol. 1. General psychopathology]. A.B. Kholmogorova (ed.). Moscow: «Akademiya» Publ., 2010. 464 p.
14. Munipov V.M., Alekseev N.G., Shein A.B. Stanovlenie ergonomiki kak nauchnoi distsipliny [Formation of ergonomics as a branch of science]. In V.P. Zinchenko (ed.) *Problemy metodologii v ergonomike. Trudy VNIITE. Ser. Ergonomika. Vyp. 17* [Issues of methodology in ergonomics. Works of VNIITE. Series: Ergonomics. Issue 17]. Moscow: VNIITE, 1979, pp. 28—67.
15. Razuvaev Yu.S., Zaretskii V.K. Shakhmaty dlya obshchego razvitiya [Chess for general development]. *Mir detstva [The world of childhood]*, 2004, no. 3, pp. 31—36.
16. Semenov I.N. Opyt deyatel'nostnogo podkhoda k eksperimental'no-psikhologicheskomu issledovaniyu myshleniya na materiale resheniya tvorcheskikh zadach [The experience of the activity approach to psychological experimental research of thinking in solving creative problems]. In V.P. Zinchenko (ed.) *Metodologicheskie problemy issledovaniya deyatel'nosti. Trudy VNIITE. Ser. Ergonomika. Vyp. 10* [Methodological issues of activity research. Works of VNIITE. Series: Ergonomics. Issue 10]. Moscow: VNIITE, 1976, pp. 148—188.
17. Semenov I.N., Alekseev N.G., Shein A.B. Metodologicheskie sredstva ergonomiki [Methodological means of ergonomics]. In V.P. Zinchenko (ed.) *Problemy metodologii v ergonomike. Trudy VNIITE. Ser. Ergonomika. Vyp. 17* [Issues of methodology in ergonomics. Works of VNIITE. Series: Ergonomics. Issue 17]. Moscow: VNIITE, 1979, pp. 68—80.
18. Shakhmaty dlya obshchego razvitiya. Metodicheskoe posobie po vedeniyu zanyatii v nachal'noi shkole [Chess for general development. Instruction manual for primary school studies]. V.K. Zaretskii, A.M. Gilyazov (eds.). Moscow: «Raikhl» Publ., 2016. 196 p.
19. Shakhmaty dlya obshchego razvitiya. Rabochaya tetrad' dlya zanyatii shakhmatami [Chess for general development. A workbook for chess studies]. V.K. Zaretskii, A.M. Gilyazov (eds.). Moscow: «Raikhl» Publ., 2016. 102 p.
20. Shein A.B., Alekseev N.G. Metodologicheskaya rol' sistemnogo podkhoda v ergonomike [Methodological role of the systems approach in ergonomics]. In V.P. Zinchenko (ed.) *Problemy metodologii v ergonomike. Trudy VNIITE. Ser. Ergonomika. Vyp. 17* [Issues of methodology in ergonomics. Works of VNIITE. Series: Ergonomics. Issue 17]. Moscow: VNIITE, 1979, pp. 81—103.
21. Shchedrovitskii G.P. Na doskakh. Publichnye lektsii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo [On the boards. G.P. Shchedrovitskii's public lectures on philosophy]. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki, 2004. 196 p.
22. Shchedrovitskii G.P., Alekseev N.G. O vozmozhnykh putyakh issledovaniya myshleniya kak deyatel'nosti [About the possible stages of studying thinking as a goal-directed activity]. *Doklady APN RSFSR [The reports of the Academy of pedagogical sciences, RSFSR]*, 1957, no. 3, pp. 111—119.
23. Shchedrovitskii G.P., Alekseev N.G. Printsip «parallelizma formy i sodержaniya myshleniya» i ego znachenie dlya traditsionnykh logicheskikh i psikhologicheskikh issledovaniy [The principle of form being parallel to the contents of the consciousness and its role in the traditional logical and psychological studies]. *Doklady APN RSFSR [The reports of the Academy of pedagogical sciences, RSFSR]*, 1960, no. 2, pp. 98—104.